

Кумиры

Драйв и «Пиковая дама»

Премьера известнейшей оперы Чайковского состоится в театре оперы и балета 19 февраля

Всё волнительнее ожидания певцов и актёров, музыкантов и руководства театра. Директор Магнитогорского театра оперы и балета Илья Кожевников не скрывает: «Пиковая дама» (18+) станет своеобразным аттестатом зрелости для коллектива.

– Это величайшая опера Петра Ильича, вершина его творчества, сложнейшее произведение как для оркестра, так и для певцов, – говорит Илья Сергеевич. – Дирижировать оперой «Пиковая дама» мечтал наш главный дирижёр Эдуард Нам, и к юбилею Эдуарда Вилорьевича театр наконец нашёл такую возможность, в первую очередь, благодаря тому, что нашли «голос» для главной партии – Германа, это будет Вадим Стародубцев, можно сказать, специально возвращённый нами для «Дамы». Словом, всё совпало.

Но главное, в чём повезло Магнитогорску, – это режиссёр-постановщик спектакля Филипп Разенков: молодой – ему всего 31 год, но уже обласканный критикой, прошедший стажировку в Большом театре Варшавы, теперь востребованный театрами оперы и балета по всей стране, включая столичную «Новую оперу», Марининский театр в Санкт-Петербурге. Последние годы он – главный режиссёр Башкирского театра оперы и балета, а с декабря 2016-го решением секретариата Союза театральных деятелей России избран членом совета по опере.

Филипп Разенков дважды удостоен высшей театральной награды – премии «Золотая маска», именно как режиссёр, плюс многочисленные номинации и награды спектаклей, им поставленных

Но, считает режиссёр, награды не суть: главное – возможность представить свои работы самым авторитетным профессионалам страны.

А ещё Филипп Разенков серьёзно увлечён рок-музыкой и даже имеет собственную рок-группу

Как уживаются в нём столь, казалось бы, несочетаемые ипостаси хулигана-рокера и серьёзного оперного режиссёра, а главное, как именитый постановщик, обладатель красного диплома ГИТИСа, один из любимых учеников народного артиста России, художественного руководителя модной, я бы даже сказала, богемной столичной «Геликон-оперы», Дмитрия Бертмана, согласился работать в Магнитогорске? Об этом рассказывает сам Филипп.

– Почему ГИТИС? Потому что только там и в Санкт-Петербургской консерватории готовят именно оперных режиссёров, – начинаем разговор. – А любовь к классической музыке и року развивалась... Нет, не параллельно. Всё началось с того, что

в 95-м, когда мне было семь лет, папа (родители Филиппа Разенкова оба дирижёры – Прим. авт.) дал мне послушать только что вышедший альбом Стиви Уандера, который понравился так, что я начал слушать его ежедневно. А с него постепенно переключился на «Лед зеппелин», «Дип пёпл», в подростковом возрасте сам играл в рок-группах. Надо ли говорить, что в школе был двоечником и горем всех учителей (*смеётся*). Обучение классической музыке шло параллельно, но... скажем так, тоже давалось непросто: объявлял голодовки, отказываясь идти в музыкальную школу, к примеру. Но постепенно втянулся, влюбился – и с удовольствием играл самый разнузданный рок, а потом сядил за рояль и исполнял Рахманинова, Прокофьева, получал от всего огромное удовольствие. Если бы хватило усидчивости, из меня получился бы неплохой пианист. А мне хотелось быть и актёром, и не бросать музыку. Мятущуюся душу после серьёзного разговора в нужное русло направил отец, посоветовав оперную режиссуру. Я начал читать и понимать, что, похоже, это и есть то, чем хочу заниматься.

– От двоечника, устраивавшего голодовки и не приемлющего дисциплины, родители ждали чего-то хорошего, или вы стали тем, кем стали, вопреки плохим прогнозам окружающих?

– (*Смеётся*.) Удивительно, но ждали – отнеслись к моему характеру философски и терпеливо наставляли, особенно, конечно, мама. У меня пока нет детей, но понимаю, что, имея я такого сына, вряд ли мог бы похвастаться таким терпением. Мама не сильно ругала за двойки, хотя, конечно, очень переживала. Но для неё главным было то, что я чем-то увлечён, а не безразличен ко всему.

– Поддерживала даже увлечение роком?

– Не вижу противоречий между роком и оперой. Более того, считаю оперу бабушкой рок-музыки: в ней, в отличие от других видов музыкального искусства, есть та самая экспрессия, драйв, нерв, страсть, которые присущи рок-музыке. Так что, по-моему, рок и опера гораздо ближе друг к другу, чем рок и другие течения современной музыки, будь то электронная музыка или рэп. Категорически не согласен с теми, кто утверждает, будто рок – нечто низменное и примитивное. Меня он вдохновляет находить в опере какие-то неожиданные ходы и тот самый нерв, который важен для современного зрителя. Хочу, чтобы зритель, придя на оперу, не засыпал, а, напротив, проснулся, эмоционально взбодрился и задумался.

– В «Пиковой даме» чем будить будете?

– С одной стороны, опера сама по себе очень драйвовая – чего стоит только финал первой картины, которую Герман заканчивает на верхней ноте на фоне неожиданно разбушевавшейся грозы: «Она моею будет, иль умру» – партия Германа одна из сложнейших в мировом оперном репертуаре. С другой стороны, «Пиковая дама» полна мистики – и будить будем, если можно

сказать, попробовав пощекотать нервы зрителя, погрузить его в атмосферу таинственности. У нас, к примеру, на сцене будет не только графиня, но и призрак графа Сен-Жермена, от которого она узнала тайну трёх карт. Если говорить о смысле, который мы вкладываем в постановку, то «Пиковая дама» Чайковского очень отличается, если не сказать, диаметрально противоположна «Пиковой даме» Пушкина. И для меня Герман Чайковского ближе к Раскольникову Достоевского, чем к Герману Пушкина: это человек незаурядных способностей, огромной жизненной силы и энергии, но, к сожалению, всю свою незаурядность направивший в тёмное русло, разрушающее личность. И в этом главный вопрос, который ставим перед зрителем: насколько опасен путь, зачастую очень соблазнительный, богатства, власти, славы, насколько он может заставить личность, даже самую высокую, деградировать. Отсюда и призраки – не просто пощекотать нервишки, но и показать изнанку человеческой души, тёмные её уголки. Все мы себя любим, жалеем и не видим ничего плохого. Умение заглянуть в себя и разглядеть тёмное «я», мне кажется, очень важно, хоть и сложно.

– Вы модный, трендовый, востребованный и, видимо, достаточно дорогостоящий режиссёр, гонорары которого явно не по карману Магнитогорскому театру оперы и балета. Тем не менее, вы здесь – почему?

– (*Смеётся*.) Решающим фактором было именно то, что ставить предложили «Пиковую даму». Пока это любимая моя опера, до этого я её не ставил. Второй фактор – то, что наш мир тесен, и от многих знакомых, бывавших здесь, слышал очень много хороших отзывов о театре и его руководителе. Прекрасно, что театром руководит человек с музыкальным образованием, разбирающийся в тонкостях нашей работы. Нравится, как работает труппа – дисциплинированно и заинтересованно. Третья причина – притом, что никогда не был в Магнитогорске, отсюда мои корни. Во всяком случае, где бы я ни был, Разенковых нигде не встречал, а здесь

их очень много. Как в опере, мы пытаемся разгадать тайну трёх карт, так хочется разгадать и тайну своих корней, в которых, к своему стыду, пока очень плохо ориентируюсь. А насчёт тренда... Не считаю себя трендовым режиссёром. Дмитрий Александрович Бертман учил нас: если считаешь, что всё умеешь в профессии, значит, с ней пора заканчивать. Так что я себя считаю начинающим режиссёром, дилетантом, а помогает мне в этом самоирония, с которой отношусь к себе.

– Если вы не тренд, тогда кто тренд?

– (*Задумывается*.) Наверное, те, кто осознанно идёт на провокацию, скандал. Популярной стала фраза: если не умеешь вызывать скандал, значит, ты слабый режиссёр. С этим я не согласен. Бертман очень крутой режиссёр, но говорил: «Я ставил десятки «Онегиных» по всему миру, но всегда по-разному, пытаюсь понять, что за зритель в этой стране». И это не просто желание понравиться публике – это желание диалога с ней. Режиссёр, идущий на скандал, ставит целью заставить говорить о себе. А мне важнее, чтобы говорили о моей «Пиковой даме». Режиссёр, хоть и в своей трактовке, должен донести не свою, а авторскую задумку. И в этом смысле я далеко не тренд.

– Вы можете добавить опере, например, рокового звучания?

– Может, лет через десять ваш вопрос будет актуальным, а сегодня звучание оперы сохраняется в мире таким, каким его задумал композитор, и это правильно. Но раньше никто не думал и о том, что время и место действия опер будет вольно переноситься режиссёрами, а сегодня Татьяна Ларина в мини-юбке – норма. Может, и дирижёры начнут ставить эксперименты. С одной стороны, я за эксперименты, а с другой – к чему это приведёт? Надо понимать, что лучшие опер-

ные партитуры написаны достойнейшими людьми, высочайшими профессионалами и глубокими мыслителями, каковым был и Пётр Ильич Чайковский, и каждый такт ими выстрадан, пропущен через себя. Для меня «Пиковая дама» совершенна, и вторжение чужеродного звукового ряда партитуру не усилит.

Но у нас и не будет классики в чистом виде – для усиления смысла, вложенного композитором. Кто-то считает, что «Даму» правильнее ставить в эпохе Пушкина, другие – в эпохе самого Чайковского, это вторая половина XIX века, у самого Чайковского действие происходит во времена Екатерины II, и мы сохраняем вторую половину XVIII века. Но театр не ставит задачей реконструкцию исторических тонкостей – костюмы, парики... Это всё равно будет недостоверно, необедительно, да и дорого. Наша задача – использовать эпоху как базис для раскрытия идей, мыслей, создания необходимой атмосферы. Внешние атрибуты – всего лишь приманка, важно донести смысл. Мейерхольд сказал: «Самая примитивная картина – «Утро в сосновом лесу» Шишкина» (*Смеётся*.) Конечно, это шедевр мировой живописи, но с точки зрения мысли в ней действительно сложно найти что-то, кроме мишек и леса. «Чёрный квадрат» Малевича для меня гораздо более глубок.

– По-вашему, фактор успеха – найти дело по душе или: старайся – и в любой области придёт удача?

– Одного без другого не бывает, плюс гены и правильное воспитание родителей. И здоровое тщеславие, которым я, надо сказать, обладаю. (*Смеётся*.) Когда семья переехала в Ижевск, мне было семь лет. Узнав, кто такой Калашников, я расплакался: «Мама, хочу быть таким же известным, как Калашников. А вдруг не буду?» – и от этого громко рыдал.

– А сейчас, если таки не удасться?

– (*Хохочет*.) Тоже порываю, но спокойнее. Главное оружие в борьбе с гордыней и тщеславием – самоирония и понимание, что на фоне планетарных масштабов все твои комплексы ничтожны. Призовите юмор – и всё будет хорошо.

✍ Рита Давлетшина

✎ Евгений Рухмалов